

Свет в клубной комнате был мертвенно-белым, словно в темной комнате для проявки, и отражался тусклыми бликами на стеклах в рамках.

Подготовка к фотовыставке выходила на финишную прямую: члены клуба оформляли рамки и наклеивали бирки. Сяо Минь стояла в самом дальнем углу и механически протирала штатив, до боли сжимая пальцы — костяки побелели.

Прошло уже четыре дня после того разговора в кафе, а брошенная фраза «Это моё» всё еще всплывала в памяти, словно засвеченная пленка, выжигая бесчисленные искаженные осколки: розовую упаковку прокладки, тихий шорох в женском туалете, непристойные фантазии в темной комнате.

Она не смела смотреть на Луня. Он как раз настраивал проектор в другом конце комнаты: движения уверенные, фотоаппарат висит на спинке стула, у ног — парусиновая сумка. Та самая сумка, в которой прятались мерзости.

Она опустила голову, в ее голове вновь проигрывался тот момент прикосновения: его пальцы были теплыми, когда он поправлял лямку на ее плече — оказывается, это была лишь репетиция ласки; его пристальный взгляд во время щелчка затвора — словно нацеленный глазок извращенца; а то спокойствие, с которым они встретились взглядами, скрывало извращенное удовольствие от подглядывания.

От тошноты ее желудок свело спазмом, рука дрогнула, и штатив со стуком рухнул на пол.

— Я сам, — Лунь подошел и присел, чтобы поднять его.

Его пальцы находились всего в нескольких сантиметрах от ее туфель. Когда-то от этого расстояния сердце замирало, а теперь оно казалось ядовитым щупальцем.

Она отступила назад: — Не нужно! — Голос прозвучал резко, привлекая к ним любопытные взгляды.

Лунь поднял голову, их взгляды встретились. В его глазах было жутковатое спокойствие, похожее на бездну объектива.

— Сяо Минь, ты в последнее время сама не своя. Давай поговорим.

Он прощупывает почву! Хочет узнать, сколько ей известно, а потом снова притвориться нормальным?

В клубной комнате было шумно, старшекурсник крикнул, что пора гасить свет — это ее единственный шанс.

Она закусила губу: — Ладно... на улице.

На лестничной клетке косо ложились лучи заката, тени на стенах казались длинными и оборванными.

Лунь прислонился к перилам, засунув руки в карманы: — В день встречи в кафе ты убежала, и фотографии так и не забрала. Что случилось?

Сяо Минь стояла спиной к окну, ссутулившись и сжав в кулак край одежды. Страх скручивал внутренности: уединение в темной комнате, где воображение дорисовывало чужие интимные места, пальцы, обводящие контур губ, послевкусие подглядывания в женском туалете, менструальная прокладка, сопровождаемая пристальным взглядом.

Ей хотелось убежать, но ноги будто прилипли к полу. Правда уже выплыла наружу, и если молчать, она разъест всё изнутри.

— Дело не в том, что мне не нравятся фотографии, — выдавила она осипшим голосом. — Я тебя боюсь. В клубной комнате твоя сумка упала, и оттуда выпала прокладка. Раньше я видела, как ты выходишь из женского туалета. Всё это неправильно! О чем ты думал, когда снимал меня? Руки, которые поправляли мою позу, неужели они... — Слова застряли в горле, к глазам подступили обжигающие слезы.

Фантазии хлынули наружу: скрытая съемка интимных мест, коллекционирование прокладок, извращенные желания в женском туалете.

Лунь молча слушал, в его глазах растерянность сменилась потрясением, и он медленно опустил голову. Тишина повисла между ними, разделяя их, словно свет и тень. Воздух на лестнице застыл, откуда-то издали просачивался шум.

Лунь заговорил — тихо и отчетливо: — Сяо Минь, я девушка.

Мир замер. Затворы фотоаппаратов щелкнули в голове с оглушительной четкостью. Проявитель смыл маску обмана.

Девушка? Не извращенец? В голове образовалась пустота, картинка тут же пересобралась заново: короткая стрижка, прокладка, женский туалет — всё встало на свои места, хотя и звучало абсурдно.

Внезапно она заметила, что за привычным спокойным силуэтом скрывается нечто мягкое и хрупкое, чего она никогда по-настоящему не замечала. За объективом пряталось вовсе не чудовище, а... неужели она ошибалась?

— Я никогда этого не скрывала, — продолжал Лунь всё тем же спокойным голосом. — Просто

не думал, что так тебя испугаю. — Замешательство на дне его глаз сменилось пониманием. — Фотографии — это просто игра света и тени, ничего больше.

Сяо Минь сползла по стене, колени совсем не держали. Страх рассыпался на куски, превратившись в полнейший хаос.

Первая встреча на солнце, навес от дождя, смех — ее трепетное сердце не лгало. Правда всплыла слишком внезапно, кадр оказался засвечен и потерял фокус.

— Я подожду, пока ты будешь готова, — Лунь развернулся, и его шаги эхом разнеслись по лестнице, оставив ее наедине с закатом. Свет постепенно гас, и тени поглощали всё вокруг.

Следующие несколько дней она намеренно держалась на расстоянии. На сообщения отвечала исключительно по делу, не ставила лайки; на практических занятиях выбирала места подальше, избегала оставаться с ним наедине; в коридорах опускала голову и ускоряла шаги. Лунь, казалось, всё понимал; изредка он присылал смс: Фотографии готовы, но она удаляла их, даже не отвечая.

Образы на снимках больше не казались грязными, но стали чужими.

На общем обеде она села за самый дальний стол. Лунь подошел с подносом в руках: — Здесь занято?

У нее упало сердце, но она кивнула.

Он сел рядом: — Твои фото — ключевая часть выставки. После того дня... ты в порядке?

— Мне нужно идти, я спешила, — буркнула она невнятно, не поднимая глаз от столешницы. Страх еще не отпустил до конца: она боялась прочитать в его взгляде панику, которая вновь разбудит ее извращенное воображение.

Лунь умолк, уткнувшись в экран телефона: пробные кадры декораций, мягкий свет и натянутая улыбка. — Не нравится?

Она бросила быстрый взгляд, отодвинула стул и встала: — Я наелась.

Поспешно удалившись, она физически ощущала его взгляд на своей спине — он словно затягивал ее в паутину.

Влетев в туалет, она заперлась изнутри и тяжело задышала, глядя на себя в зеркало. Лицо бледное, под глазами залегли темные круги.

Ночью поднялся ветер, и тени деревьев за окном казались призрачными. Она разложила фотографии, оклеивая края скотчем — у нее так и не хватило духу выбросить их.

Она вернулась за стол, перо замерло над бумагой. Через щель в окне пробивался луч света, освещая размытые края снимка. Она написала: Она не знает, чего именно я боюсь, а я боюсь как раз ее.

<http://bllate.org/book/21310/2162732>